

Юн Шань спешно переоделся в официальный наряд и вместе с Юн Линем поторопился во дворец отца-императора, чтобы справиться о самочувствии больного.

Состояние Его Величества, сына Неба, с каждым днём ухудшалось, и в любой момент Небо могло обрушить на них смерть императора, погрузив всю столицу в траур. К тому же это был их родной отец. Ждать, когда слуги подадут им закрытый паланкин, времени не было, каждая минута была на счету. Поэтому, отпустив всю прислугу, два брата, невзирая на морозное зимнее утро, покинули дворец наследного принца.

Хотя вчера и сияло солнце, но на второй день можно было увидеть вновь застывший слой инея. Юн Шань и Юн Линь посмотрели на мрачное утреннее небо, и их охватило дурное предчувствие. Одолеваемые лёгкой тревогой, они быстро ступали по чуть талому снегу. Время от времени юноши невольно скользили, чуть ли не падая на землю.

После смерти первой императрицы Огненного императора Янь-ди, которая скончалась от болезни, прошло много лет, но престол Её Величества никем так и не был занят. Было непонятно, чего желал сам император. Он дважды пожаловал своим сыновьям титул наследника престола, и все два раза жены Его Величества были обделены званием императрицы и продолжали коротать свои дни в статусе императорских наложниц. Что же касается покоев Янь-ди, то по закону они находились подальше от дворцов его родных сыновей.

Два принца, пробираясь сквозь холодный ветер, прошли менее половины императорского города, и когда они настигли дверей императорского дворца, их нижнее бельё было насквозь мокрым от пота.

Атмосфера была довольно угнетающей, а бесконечные порывы северного ветра навевали тихую тревогу.

У ворот дворца уже толпились несколько министров, которые, как только услышали новость, сразу же пришли к Его Величеству. По их покрытым испариной лицам было заметно, что подданные прибыли совсем недавно. Завидев приближающегося ко дворцу Юн Шаня, толпа слегка оживилась.

— Прибыл Наследный принц.

— Ваше Высочество Юн Шань.

Юн Шань махнул рукой, останавливая их приветственные поклоны, и, ведя за собой Юн Линя, вошёл внутрь.

Семь-восемь слуг, которые каждый день прислуживали Огненному императору Янь-ди, вытянув руки вниз в знак уважения, стояли у входной двери и никуда не отходили. Увидев, что прибыл наследник престола, они тихо приблизились к нему и сложили руки, желая поприветствовать его, но Юн Шань весьма снисходительно остановил их. Среди слуг, на чьих лицах застыла

маска горести и печали, оказался довольно знакомый придворный евнух У Цай, который управлял делами во дворце. Подозвав его к себе, Юн Шань отошёл в сторону:

— В конце концов, что сейчас происходит во дворце? Придворный лекарь хоть что-нибудь сказал?

У Цай тоже был охвачен беспокойством и, осторожно покачав головой, тихо проговорил:

— Придворный лекарь ещё не выходил из покоев Его Величества. Император проснулся в четвёртую ночную стражу и неожиданно сказал, что ему нездоровится. Господин, чтобы избежать злостных слухов, приказал держать язык за зубами. Прошлым вечером в покоях Его Императорского Величества находился придворный лекарь Чжан. Как только он вошёл, то сразу же с позволения Его Величества проверил его пульс, — слуга ненадолго замолчал. Осмотревшись по сторонам, У Цай ещё тише добавил:

— Сегодня утром вновь провозгласили императорский указ, прося придворного лекаря Чэня явиться во дворец.

Сердце Юн Шаня словно оборвалось.

Из всех придворных лекарей Огненный император Янь-ди больше всего доверял дряхлому старику Чэню. Всякий раз, когда во дворце случалась беда, он появлялся и сразу же проверял пульс. Многие прошли через его руки, чем он и заслужил доверие Янь-ди.

В прошлый раз, когда Юн Шэн доложил отцу-императору, что его, Юн Шаня, ранили в ногу, отец-император прислал придворного лекаря Чэня.

Если Его Императорскому Величеству просто нездоровится, то зачем он рано утром позвал к себе именно его?

Думая об этом, Юн Шань, дослушав доклад, махнул рукой У Цаю, тем самым отправив его снова на место. Юн Шань взглянул на закрытую дверь, которая вела в покои Огненного императора Янь-ди. Возле двери в один ряд стояли слуги, словно охраняя того, кто был за ней. Также по специальному указу удвоилось и число дворцовых охранников, что стояли во всеоружии в крытой галерее. Это всё выглядело так, будто они шли в бой с могучим врагом, а не охраняли покои Его Величества.

Большой невидимый камень давил на душу Юн Шаня, однако сам юноша старался не показывать всех тягостных чувств и пытался вернуть себе самообладание. Вот только печаль и беспокойство всё равно едва заметной тенью легли на его лицо. Да и как они могли не появиться, ведь он, как сын, переживал за отца-императора.

Юн Линь не скрывал своих мыслей и, увидев, как Юн Шань перешёптывается с У Цаем,

поспешно подошёл к ним и спросил:

— Юн Шань, старший брат, как отец-император? Он и вправду тяжело болен?

— Замолкни! — неожиданно тихо прикрикнул Юн Шань и, с недовольством поглядев на него, строго проговорил: — Ты несёшь вздор! Ты что, не видишь, где мы находимся? Отец-император в самом расцвете сил. По-моему, отцу-императору нездоровится из-за лютого мороза, что выдался в последнее время. Я более чем уверен, что скоро ему станет значительно лучше.

— Однако...

— Хватит, больше ни слова. Отца-императора окружают придворные лекари. Если у тебя осталось, что сказать, то потерпи немного: как только они выйдут, ты сможешь задать им те вопросы, что и мне мгновение назад.

На этот раз Юн Линь повиновался и, закрыв рот, встал возле старшего брата, который находился рядом с крытой галереей. Несколько зимних дней назад было тепло, однако сегодня Небеса будто очень сильно рассердились и ниспослали холодную погоду. Несмотря на то, что тучи постепенно рассеивались, холодный северный ветер всё равно пронизывал до мозга костей. Юн Шань, сам того не осознавая, стоял тихо и неподвижно, словно изваяние. По своей натуре Юн Линь был невежественным принцем, однако сейчас он больше напоминал послушного ребёнка, который тихо стоял возле старшего брата, боясь вновь навлечь на себя его гнев.

Долгое время спустя ворота дворца снова распахнулись, впуская ещё одного безмолвного человека. Похоже, вновь прибывший тоже спешил попасть к Его Императорскому Величеству и всю дорогу бежал. Не глядя на собравшихся слуг, человек сделал шаг вперёд и направился напрямик к Юн Шаню и Юн Линю. Подойдя ближе, он остановился и, часто дыша, не осмелился громко поздороваться:

— Ваше Высочество Наследный принц здесь? И старший брат Юн Линь тоже?

Этим вновь прибывшим оказался Юн Шэн.

По-видимому, он также совсем недавно услышал новость и, переодевшись в официальный наряд, примчался к отцу-императору, чтобы узнать о его состоянии.

У Юн Линя никогда не было дурных намерений, и он ладил со всеми, кто встречался ему в императорском дворце. Поприветствовав Юн Шэна, юноша вытянул руку и положил ему на плечо:

— Сколько лет, сколько зим, пятый младший брат. Ты тоже примчался сюда, чтобы узнать, как самочувствие отца-императора? Придворные лекари ещё не выходили, мы с братом тоже ждём.

По правде говоря, в какой-то степени он знал, что матушка Шу воевала не только с наложницей Ли, но ещё вела скрытую и явную борьбу с наложницей Цзинь. Однако в его глазах, даже если наложницы и воевали между собой, то братья всегда оставались братьями, и незачем было говорить, кто из них хороший, а кто плохой.

Увидев Юн Шэна, Юн Шань сразу же почувствовал, как настроение становится скверным. Невозмутимо поглядев, как наивный Юн Линь легко беседует с Юн Шэном, наследному принцу сразу же захотелось от всей души отпинать этого мелкого болвана.

Но думать одно, а делать — уже совершенно другое. Снова надевая на себя маску старшего брата, Юн Шань посмотрел на Юн Шэна и довольно мягко проговорил:

— Небо такое холодное, но, несмотря на это, ты пришёл, чтобы выразить свою безграничную любовь и уважение к отцу-императору, спасибо тебе. Ну, раз уж ты здесь, то давай вместе с нами ждать, когда выйдут придворные лекари.

Говоря эти слова, Юн Шань тихо ждал того момента, когда Юн Шэн упомянет дело Гун Ухуэя, и уже обдумывал, как будет правильно отреагировать, если это всё же произойдёт.

Но, вероятно из-за того, что с ним был ещё и Юн Линь, Юн Шэн даже словом не обмолвился о Гун Ухуэе, будто совершенно забыл его имя. Растягивая губы в притворной улыбке, Юн Шэн проговорил:

— От похвалы старшего брата Наследного принца мне стало немного неловко. Безграничную любовь и уважение к родителям можно выражать по-разному. Отцу-императору стало плохо и, разумеется, его родной сын сразу же явился к нему, чтобы навестить. А если ребёнок не любит и не чтит своих родителей, то как он может звать себя их сыном? Кстати, а почему здесь не видно старшего брата Юн Ци? Разве он сейчас не живёт вместе со старшим братом Наследным принцем? Он что, не получал новостей, или с ним что-то случилось?

Эти вопросы, один больше другого, вонзались в сердце и уничтожали его.

Сын императора не навестил больного родителя, чем проявил своё неуважение к нему, а это уже было достаточно серьёзным проступком.

Юн Линь немного испугался. Он помнил, что у Юн Ци и так была несчастная судьба, к которой ещё добавилось и серьёзное преступление — непочтение к родителю.

Юноша собирался было открыть рот и солгать, сказав, что Юн Ци не смог прийти, так как заболел. Однако Юн Шань уже понял, что затеял его младший брат, и решительно прервав его, не дав и слова произнести, безучастно ответил:

— Юн Ци? Он только недавно покинул стены Дворца Наказаний. Хоть и выяснилось, что он не

мог совершить серьёзного преступления, всё же в этом деле есть незначительная погрешность. Поэтому я временно запретил ему покидать пределы дворца наследного принца, и приказал как следует подумать над своим поведением, а также извлечь из этого урок. — Юн Шань специально взял на себя ответственность за то, что Юн Ци не пришёл, чтобы у пятого младшего брата не было даже малейшего повода того в чём-либо обвинить.

Сказав это, Юн Шань равнодушно посмотрел на Юн Шэна и тихо скривил губы в слегка холодной и натянутой улыбке. Складывалось ощущение, что эта пугающая аура, которой был окружён новый наследный принц, текла в его крови с самого рождения. Никто из императорских сыновей не мог сравниться со вторым принцем. С самого детства Юн Шань был мрачным, внушающим страх, равнодушным и холодным ребёнком. Все, в том числе и его родная матушка, чувствовали, что этот ребёнок был слишком угрюмым и замкнутым. Когда Юн Шань молчал, то невольно возникало подозрение, что он в своей голове замышляет совершить нечто совершенно ужасное.

На улице стояла очень холодная погода, к тому же в крытой галерее сквозил северный ветер. Увидев эту натянутую улыбку, от которой мороз бежал по коже и сердце дрожало от страха, Юн Шэн почувствовал, как его спина неожиданно покрылась холодным потом. Сначала юноша хотел вновь затронуть тему отсутствия Юн Ци, и слова уже были готовы слететь с языка, но, испугавшись гнева единокровного старшего брата, Юн Шэну ничего не оставалось, как проглотить их и смущённо проговорить:

— Вот оно что.

Три брата оставили разговоры и молча стояли плечом к плечу в ожидании вестей из покоев Его Величества.

Ветер пробирался сквозь одежду, и уже через мгновение тело слегка онемело, и Юн Шэн, дрожа от холода, произнёс:

— Два старших брата, здесь слишком холодно, и неизвестно, сколько нам ещё ждать. Может, лучше пойти в маленькую боковую комнату, где тепло, и подождать там?

Юн Шань кивнул и с заботой ответил:

— Пятый младший брат, у тебя здоровье слабое, так что иди в эту комнату и жди там.

— В таком случае старший брат...

— В таком случае я останусь здесь. Отец-император болен, и мне тревожно на сердце. Да и пока мы шли сюда, я вспотел, и если сейчас зайду в тепло, то не согреюсь, а наоборот — простыну.

Юн Шэн ткнул Юн Шаня, который продолжал стоять с преспокойным видом, и, несколько раз скорчив лицо, больше не проронил ни слова. Скрежеща зубами, он остался на месте, только непрерывно потирал руки и притопывал ногами.

Спустя очень долгое время дверь в покои императора слегка приоткрылась.

Стоило лишь услышать лёгкий скрип и увидеть маленькую щель, как нервы неожиданно напряглись, словно натянутая струна.

На пороге появился усталый старик — придворный лекарь Чэнь. Юн Линь и Юн Шэн тотчас же подскочили к нему, окружая его, и тихо, с беспокойством начали задавать вопросы:

— Придворный лекарь Чэнь, в конце концов, как самочувствие отца-императора?

— С отцом-императором всё хорошо?

— Вам удалось выяснить, чем он болен?

Лекарь Чэнь был настолько вымотан, что, казалось, совершенно не хотел говорить. Мужчина поднял ослабленные морщинистые, словно сосновая кора, руки и слегка замахал ими. Подняв взгляд, лекарь посмотрел на стоящего перед ним Юн Шаня, разомкнул губы и проговорил:

— Ваше Высочество Наследный принц.

Немного поглядев на старика, Юн Шань тихо спросил:

— В чём всё-таки дело?

Придворный лекарь Чэнь весьма неоднозначно произнёс:

— А в каком он может быть состоянии? Император является сыном Неба, и только Небо может позаботиться о его здоровье. Мы лишь помогаем лекарствами укрепить его тело. Только и всего. Лечебное предписание Ваш презренный слуга уже выписал. Если все Ваши Высочества хотят выказать своё почтение, то сделайте это здесь, перед дверью опочивальни императора, и сразу же возвращайтесь к себе. Золотые ветви и яшмовые листья [1] должны следить за своим здоровьем. Здесь сильный ветер, будьте осторожны, иначе простудитесь.

Находясь в глубокой задумчивости, Юн Шань проговорил:

— Я хочу увидеть отца-императора. Только когда я выкажу ему почтение, сразу же отправлюсь к себе.

— Нет. — Придворный лекарь Чэнь, не торопясь, добавил: — Император устал. Он лишь хотел обсудить с Вашим старым министром повседневные дела. Также Его Величество приказал всем своим сыновьям не беспокоить его. Сейчас он хочет видеть лишь одного человека — Ван Тайбо.

Стоило этим словам слететь с уст лекаря, как у всех сердца неожиданно подпрыгнули в груди, а сами присутствующие резко поменялись в лице.

Отец заболевает, и без всякой на то причины совершенно не хочет видиться со своими сыновьями. Однако, утомившись, он продолжает обсуждать повседневные дела со старым министром. Да кто в это поверит?

Юн Линь с недоверием посмотрел на Юн Шаня, однако так и не осмелился озвучить свои мысли. Всё, что ему оставалось, — просто молчать, держа свои мысли при себе. Сердце Юн Шаня тоже невольно охватил холод, и юноша вспомнил, как в прошлом году Юн Ци свергли с престола. Но перед тем, как это сделать, Огненный император Янь-ди отказался встретиться с наследником престола — это было первым предзнаменованием. Неужели сегодня история могла повториться?

Но если его свергнут, то всё равно нужно объяснить, по какой именно причине. В конце концов, чем он мог так разгневать отца-императора?

Неужели всё-таки о нём и Юн Ци...

Юн Шань молчал, а в голове за одно мгновение пронеслись сотни тысяч мыслей. Как только он подумал, что императорский дворец — безжалостное место, в памяти всплыли воспоминания о печальных событиях минувших дней. В том же году наложница Ли, чтобы её не убили, переложившая свою вину на кормилицу. Тогда отец-император с присущей ему лёгкостью приказал схватить кормилицу, которая с детства воспитывала Юн Шаня, и тотчас же доставить женщину во Дворец Наказаний, где её подвергли допросу и пыткам. Юн Шань собственными глазами видел её смерть. Сейчас он уже являлся наследником престола. Поднявшись на такую высоту, ему нельзя было падать. Если он по чистой случайности не сможет спасти себя и погибнет, то тогда какие-нибудь высшие чиновники без ведома станут издеваться над его матушкой, глупым младшим братом и слабым Юн Ци, причиняя им боль, калеча и убивая их!

Стоило Юн Шаню подумать об этом, как его сердце неожиданно пронзила резкая боль. Будто на войне кто-то отдал солдатам приказ стрелять, и все десять тысяч стрел без единого промаха угодили точно в цель.

Морозный воздух словно сгустился, став таким удушающим, что с трудом можно было вздохнуть.

Юн Шань чувствовал, что теряет душевное равновесие, но по-прежнему не забывал боковым зрением следить за Юн Линем.

Хоть младший близнец и напоминал грубые ветви и большие листья, так как подходил к делу поверхностно, но даже он сейчас почувствовал что-то неладное и с тревогой посмотрел на брата. Юн Шань спокойно улыбнулся юноше:

— Придворный лекарь сказал, что отец-император находится под защитой Неба, так что тебе не стоит переживать. Послушай его, вырази своё почтение за дверь и скорее отправляйся к матушке. Нужно ей обо всём доложить, чтобы успокоить её.

Юн Линь хотел что-то сказать, но промолчал. Будучи медлительным при выборе слов, юноша ненадолго задумался. Не осмелившись самовольничать, Юн Линь покорно опустился на колени и поклонился до земли.

Как только почти до смерти замёрзший Юн Шэн услышал слова придворного лекаря и уловил в них тонкий намёк, безмерно обрадовался, но не осмелился обнажить улыбку. Спешно он опустился на колени вместе с Юн Линем, повернулся к всё ещё плотно закрытой двери и дважды поклонился. Поднявшись с места, Юн Шэн проговорил:

— Мне тоже нужно вернуться к своей матушке и всё ей рассказать.

Его силуэт поспешно исчез за воротами императорского дворца. Юноша был несколько обрадован, в отличие от Юн Линя.

Юн Шань взглянул на придворного лекаря Чэня и сказал:

— Раз уже отец-император сейчас отдыхает, то я останусь здесь и подожду, пока ему не станет лучше, а затем вновь попробую зайти, чтобы справиться о его самочувствии.

Придворный лекарь Чэнь не имел ничего против, поэтому немного равнодушно произнёс:

— В таком случае Его Высочество покажет свою сыновью любовь. Но сначала этот старый презренный слуга навестит императора. — Мужчина коротко поклонился, распрощался с Юн Шанем и медленно направился прочь из императорского дворца.

Примечание:

[1] Обращение к императорской семье.

<http://bllate.org/book/13372/1189577>